

Георгий Кнабе

Проблема переходных периодов в истории культуры и наше время

1.

История и ее осознание в культуре – процесс, не прекращающийся ни на минуту. Соответственно все в нем есть непрестанный переход, сам прогресс (если он есть) состоит из постоянных утрат и постоянных приобретений. Поэтому выделение особых, именно переходных периодов возможно не на основе наблюдений над непрекращающимся текущим ходом истории, а лишь как результат сознательной организации его в интересах рационального познания, всегда и по природе своей структурирующего познаваемый объект. Первый вывод состоит в том, что переходных периодов в прямом и собственном смысле в истории культуры нет.

Пример. Есть пушкинско-декабристский культурный круг: ампирные интерьеры, россияевски-воронихинский Петербург, окно в Европу, гражданская патетика с ее анакреонтической изнанкой, Гнедич и Батюшков, Дельвиг и Кюхельбеккер: российская народность сквозь антично-греческую призму, «Ах, как славно мы умрем...», «Товарищ, верь – взойдет она...», «И рабство, падшее по манию царя...». В отличие от пушкинско-декабристского есть славянофильски-западнический культурный круг сороковых годов: вместо окна в Европу московские литераторы, по словам Герцена «проводящие время в том, чтобы всякий день доказывать друг другу какую-нибудь полезную мысль, например, что Запад гниет, а Русь цветет», сорок сороков, рединготы и бороды, «наши» и «не наши», вместо Сенатской площади Большой и Малый Власьевский, Шеллинг и Павлов, публичные чтения профессора Грановского и *Взгляды на российскую словесность* критика Белинского.

Перед нами бесспорно переход от одного культурно-исторического состояния к другому, и возникает естественная мысль, что десятилетие, их разделяющее, 1830-ые годы, есть в классическом виде «переходная эпоха культуры». Но ведь содержание ее явно не сводится к переходности. Она отнюдь не более переходна, чем пушкинско-декабристское время, связывающее и разделяющее «дней александровых прекрасное начало», патриотический подъем двенадцатого года, Казанский собор Воронихина с его «итальянскою и русскою душой», оды старого Державина и юного Пушкина, со всему этому противостоящим, но и все это продолжающим классицизмом Сената и Синода, Александровской колонны, антипольским общественным подъемом 1830 г., с Пушкиным «Медного всадника»

и библейских парафраз. И одновременно те же 30-ые не только «переходны»: озаглавленные Лермонтовым и Гоголем, школой Венецианова и Глинкой, они хотя бы уже по одному этому не менее самостоятельны, чем 20-ые или 40-ые. Рассмотрение их как эпохи, «переходной» от одной к другой, таким образом, может быть не лишено оснований, удобно как форма организации культурно-исторического материала в исследовательских или учебных целях, но анализом конкретных фактов исчерпывающим образом подтверждено быть не может. Подобные сопоставления можно повторять бесконечно, применительно ко всем другим векам и регионам с теми же выводами. Если переходно все, собственно переходным не может быть ничто.

2.

Есть только один модус культурно-исторического бытия, в котором переходные эпохи существуют реально: неслиянность и нераздельность человеческой единицы и общественно-исторического целого. Он включает в себе самое коренное, самое исходное и основополагающее свойство культуры, вне которого ее как культуры не существует. Человек всегда неповторимый индивид – и биологически, в силу ненаследственной изменчивости, и духовно, в силу уникальности жизненного опыта. Но эту свою единственность он может реализовать лишь через принадлежность к целому, к коллективу, к обществу, в нем и на его языке, т.е. в противоречии с самим собой – противоречии неразрешимом и постоянно разрешаемом ходом и самим существованием культуры.

В каждой ее исторической модификации зафиксирован тот преходящий тип этой непреходящей диалектики, который определяет облик данной культурной эпохи или цивилизации. Он сложился на основе того уровня и характера самовоспроизводства в процессе труда, которого человечество к данному времени достигло, потому задан объективно и отличается высокой степенью стабильности и длительностью. В его пределах возникают ему соответствующие формы переживания, осознания и выражения указанного противоречия и разрешения его в искусстве, в философии, в рефлексии в целом. Они складываются в определенную культурно-историческую систему, и потому смена таких систем, предполагающая общую перестройку указанных ее параметров, затрагивает все стороны жизни, конституируется в самостоятельную переходную эпоху культуры – культуры как разрешения неразрешимого противоречия между личностью и целым.

Для подтверждения и иллюстрации сказанного могут быть кратко упомянуты две таких переходных эпохи, в которых транзитивность не просто возникает из бытия во времени – между тем, что было, и тем, что имеет стать, – а образует суть и главное содержание. Таков переход от античности к Средним векам – в широком смысле между II и VIII веками, в более узком – между IV и VI. Еще

длится общественно-политический образ действительности в виде совокупности покоренных провинций вокруг центра мира – Рима, его сената, его магистратов, его норм и ценностей; длится культурно-художественный образ в виде единства гражданского коллектива, где каждая мысль, чувство, образ должны быть вняты всем и потому выражены риторически. И в то же время все это воспринимается уже как наследие, которое важно поскорей собрать и сохранить, ибо из жизни оно явно уходит, как стоящая перед глазами и теряющаяся в тумане прошлого модель действительности – ее надо примирить со всем новым, что кругом устанавливается и крепнет, но что читается еще почти всегда на старый лад. От Симмахов и Либания до Боэция, Августина и Кассиодора длится эпоха перехода. Другого культурного содержания, самостоятельно противостоящего той культурной системе, что была, и той, что будет, в ней, насколько можно судить, не обнаруживается.

В известном смысле таково же то удивительное столетие от примерно 1520-ых до примерно 1630-ых, где «на входе» – без малого три века Возрождения, самоценной свободы эстетической личности (при постоянном ощущении ее греховности на фоне подспудно сохраняющегося средневекового эталона жизни), а «на выходе» – осознание опасности свободы, потребность в норме и ответственности, два века этики и эстетики классицизма, постоянно маячащая и настойчиво утверждаемая мысль об исчерпании человека как члена общества его ролью верноподданного и «добротного католика». В промежутке, в постоянном и неразложимом взаимодействии и сопоставлении, – то, в чем так или иначе доживает ставшая Северным Возрождением предшествующая система, Рейхлин и фон Гуттен, Дюрер и Брейгель, комедии Шекспира, Рабле и Агриппа, и то, в чем брезжит, формируется и утверждается система следующая – Тридентский собор, *tacitismo* и *ragion di stato*, хроники Шекспира, ордонансы Франциска I. Транзитивность здесь, кажется, действительно явно преобладает над собственным системным содержанием – как говорят англичане, *if any*.

3.

Переходную систему совершенно особого типа представляет собой эпоха, нами переживаемая – вторая половина 20 века. В течение по крайней мере двух с половиной – трех тысячелетий, т.е. для нас практически на протяжении всей истории европейской культуры, «Я» и общественное целое вступали между собой в самые разные отношения, создавая новые и новые типы культуры. При этом в самом содержании «Я» по-разному могли соотноситься его общественный, во вне обращенный компонент и компонент, обращенный внутрь, неповторимо личный, экзистенциальный. Соответственно по-разному строилось и общественное целое, то как бы растворяя индивидов в некотором эпическом единстве, то выдвигая на первый план их в их единичности и предельно ослабляя связи меж-

ду ними. В любом случае, однако, исходная сущность «Я» и целого, а тем самым и в целом культурной ситуации европейского типа оставалась равной самой себе, такой, какой ее некогда определил Аристотель. Она предполагала (1) энтелехию духовного потенциала и обретение им формы в индивидуальности каждого; (2) самореализацию таких индивидуальностей в пределах определенных сообществ, с которыми они идентифицируются и в этом смысле признают их «своими» в отличие от «чужих»; (3) конфликтность разнородных индивидуальностей, как отдельных лиц, так и самих макро- или микро-сообществ, при императивности в то же время обнаружения модусов совместного выживания; (4) создание некоторой зоны культуры, позволяющей это постоянно возобновляющееся противоречие столь же постоянно преодолевать. Имманентная ситуация культуры европейского типа другими словами предполагала на всех уровнях общественного бытия сосуществование и взаимопронизанность принципа индивидуальности и принципа целостности.

Именно эта тысячелетиями бывшая имманентной европейской культуре ситуация вступила во второй половине двадцатого века в сопоставление и взаимодействие с ситуацией, ей альтернативной и ранее нашему культурному типу неизвестной. Столкнулись заключительная фаза в движении «аристотелевского Я», соотносительной с ним структуры общественного целого и культуры, их объединяющей, – фаза, как обозначение последних двух – трех веков европейской культуры получившая наименование модерна, с культурно-историческим состоянием, сущность которого выражена в его наименовании – постмодерн. Их сосуществование и сопричастие и делает наше время переходной эпохой культуры, причем в несравненно большей мере, нежели переходные эпохи в прошлом.

Оно состоит из постоянного сопричастия и активного взаимоотрицания универсальных систем культурно-исторического бытия. Одна восходит к «модерну». За ней – этика и эстетика целого – структуры и порядка, объективности и нормы, устойчивая естественно-научная картина мира, наука и доказуемое, проверяемое (а потому и нравственно ответственное) знание, использование природных ресурсов в интересах прогресса общества, государственно-правовая устроенность общества и гражданская верность закону, различение на его основании преступных практик и практик законных, признание иерархии – культурных ценностей, духовного потенциала, положения, естественным законом бытия, личная ответственность перед истиной – не только научного знания, но и сообщаемой информации.

Другая – альтернативная матрица постмодерна. Ее исходный пункт: все перечисленное выше, весь исторический уклад «модерна» враждебен естественному течению жизни и человеку в его неповторимой индивидуальности и свободе, репрессивен по отношению к ним. Суть нашего времени в формулировке одного знаменитого оксфордского профессора «в пробуждении от кошмара модернизма с его инструментальностью разума и фетишизацией тотальности и в переходе к плюрализму постмодерна – этому вееру разнородных стилей жизни и разнород-

ных игровых кодов». Хаос человечнее порядка и структуры; всякая общая норма как и общая истина предполагают подавление индивида и его особого хода мысли; прогресс основан на использовании природных ресурсов и потому означает уничтожение жизненной среды и животных, ее населяющих – а ведь каждый из них тоже индивид; естественно – научная картина устойчивой вселенной, живущей по определенным законам, не соответствует действительности, всегда вероятностной, стохастической, нестабильной, не знающей различия нормального и ненормального состояний; иерархия чего бы то ни было есть форма насилия и угнетения – признанного иерархически «высоким» над признанным иерархически «низким»; цель искусства – самовыражение, а не проповедь, требование внятности – это цензура, как цензурой является требование ответственности за информацию и проверки ее.

Сопоставление этих модусов культурно-исторического бытия – не предмет теоретических дискуссий, а содержание общественной, жизненной практики. В центре происходящего в так называемых зонах локальных конфликтов – в Ольстере и Косове, в Ливане и Чечне – не планируемая штабами по правилам военной науки борьба армий, этих эталонов организации и порядка, а одновременно и управляемые, и неуловимо хаотические движения населения. Империя Хуана Эскобара и бесчисленные другие мафии, контролирующие правительства, одновременно и преступные банды, кульминация беззакония, и жестко, по своим законам, организованные структуры, включенные в международный процесс регулярного товарного обмена. Как сосуществуют националистические движения, реализующие тоску людей по идентификации, и полное размывание всякой идентификации в реальной жизни большинства индустриальных обществ? Выживание общества за счет сознательной и планируемой преемственности поколений, в частности, через образование – типично «модернистская» идея. Она жива и сильна, судя по тому, как растет в мире и развивается высшее образование, прежде всего, частное. Но как примиряется она с постмодернистским отрицанием авторитета, знаний и требовательности преподавателя как условия выполнения им своей задачи, с постмодернистским императивом строить образование как равноправный диалог знающего и незнающего. Европейская культура дана нам как ценность, предмет изучения и переживания, и она же дана половине населения земного шара как предмет отрицания, освобождения от навязанного авторитета «whites and males». Такие примеры можно продолжать до бесконечности.

Время, нами переживаемое, заполнено, как говорили древние греки, агонем двух нераздельных и друг друга отрицающих начал. Они нераздельны как личность и целое не могут не быть, как они были нераздельны всегда, в культуре и в протекшей истории, и они утверждают собственную несовместимость с энергией, ранее неведомой. Форм самовыражения, которые бы находились вне этого агона, не видно, время их не знает. Оно есть переходный период истории культуры *par excellence*.